

Митрофанушки парламентаризма

Наше время характеризуется обилием издаваемой литературы на политическую тематику. И все было бы хорошо, если бы литература эта отличалась новаторским подходом и глубиной политического анализа. Но, к сожалению, количество написанных страниц никак не превращается в качество аргументации. Фактически для всей политической литературы, появляющейся на информационном пространстве Беларуси, характерно, мягко говоря, школьническое понимание научного исследования.

Не избежала этой участи и монография В.А. Божанова, А.В. Горелика, Л.Н. Семенович, С.В. Тарасова «Парламентаризм в Беларуси» (Минск: ЗАО «Ишпокрена», 2010. – 230 с.). Как анонсируют сами авторы, данная книга представляет собой итог работы коллектива кафедры политологии и гуманитарных дисциплин Института парламентаризма и предпринимательства над научной темой «Парламентаризм и гражданское общество в Республике Беларусь: опыт становления и развития». Это на словах. А в действительности никакого научного исследования белорусского парламентаризма в работе нет. Имеется лишь своеобразная архивная справка по истории Беларуси в составе Великого княжества Литовского, Речи Посполитой и Российской империи, а также хронологическое перечисление политических событий и формальное описание деятельности законодательных учреждений, начиная с советских времен и заканчивая сегодняшним днем. Выдавать подобные материалы за научное исследование о белорусском парламентаризме – значит просто не уважать читателя. В лучшем случае представленное произведение можно отнести к справочным изданиям, правда, испорченным формально-абстрактными и противоречивыми, исторически некорректными и политически ангажированными рассуждениями.

Так, в первой главе «Парламентская деятельность: происхождение и современ-

ный опыт», написанной А.В. Гореликом, заявляется, что «именно парламентаризм, обеспечивающий механизм взаимосвязи власти и общества в процессе его развития, сделал революции ненужными. В результате эра революций сменилась эрой эволюции» (с. 10). Звучит модно, но, по существу, банально. Общеизвестно, что современный парламентаризм порожден буржуазными революциями. Естественно, после революций наступает время эволюции. Иначе бы не было и парламентаризма. Но делать отсюда некий универсальный вывод, что сегодня закончилась эра революций, – значит смотреть на современный международный опыт через западнцентристские очки, то есть смотреть назад, а не вперед. Ведь еще большой вопрос: с чем столкнется Запад в будущем? Не говоря уже о других регионах. Взять, к примеру, социально-политические трансформации в Латинской Америке. Ведь очевидно, что здесь есть и революции, и эволюция. Такова реальная диалектика современности. И пытаться доказать, что современное общество не будет делать скачков, следовательно, быть педантом или недалеким политическим конъюнктурщиком. Это, в свою очередь, означает отказ от социального познания. Дескать, эволюция, и баста! И нечего больше мудрить?!

В то же время автор сам себе противоречит: с одной стороны, он утверждает, что с 60-х годов XX века «начинается процесс возрождения парламентов» (с. 12), а с другой – говорит о том, что наблюдается тенденция «усиления сервильности парламентов, т.е. увеличения их зависимости от исполнительных структур, которая представляет собой общую тенденцию развития современного парламентаризма во многих странах мира» (с. 13). Так все-таки что же происходит: ренессанс или кризис парламентаризма? А, как известно, кризис может разрешаться не только эволюционно, но и революционно. Значит, если есть кризис, то революции не исключаются в современном мире.

Откуда же идут эти противоречия? Именно от непонимания природы парламентаризма как феномена, зародившегося в период становления буржуазной демократии в противовес различным формам феодально-сословной неравноправности. И это непонимание рельефно выступает в попытке автора дать определение парламентаризму. Прочитав различные точки зрения на понятие парламентаризма, А.В. Горелик дает собственное определение, в котором сваливаются в одну кучу и политическая система, и социальные ценности, и общественные и индивидуальные интересы, и политическая и правовая культура граждан. Разумеется, это не определение, поскольку в нем нет специфического признака, позволяющего выделить феномен парламентаризма из совокупности социально-политических явлений. Парламентаризм в первую очередь предполагает юридическое равенство всех граждан, то есть формальную демократию. Пока в государстве отсутствует равенство всех перед законом, до тех пор говорить о парламентаризме не приходится. Поэтому всякие рассуждения о парламентаризме применительно к феодально-сословному обществу абсолютно некорректны. Нельзя смешивать наличие тех или иных выборных учреждений в феодальную эпоху с институтом парламентаризма, порожденным буржуазным обществом. Автор этого не осознает, а поэтому ведет абстрактный разговор о парламентаризме, не подзревая того, что формальная демократия (юридическое равенство граждан) может быть при любой форме правления – парламентарной, президентской, смешанной.

Отсюда и принципиальные ошибки при анализе парламентаризма, когда, например, утверждается, что «главным источником государственной власти выступает высший представительный орган страны» (с. 15). Оставаясь в плену абстрактно-институциональных определений, А.В. Горелик не замечает, что подобным заявлением он сбивается на недемократическую и неконституционную трактовку государства. Ибо демократическое понимание государства как раз исходит из того, что единственным источником государственной власти и носителем суверенитета является не

какое-то государственное учреждение, в том числе парламент, а только сам народ.

Еще один примечательный штрих, характерный для всего содержания данной работы, когда под видом научного исследования воспроизводятся общеизвестные политические прописи типа «парламент должен быть представителем народа и выражать волю народа» (с. 22). Зачем человек стучится в открытую дверь? Видимо, для того, чтобы выпалить следующую фразу: «Ни одна другая ветвь власти не обладает подобной способностью» (с. 22). Откуда это следует – непонятно. Быть представителями народа и выражать волю народа могут все ветви власти. Но они могут и не быть выразителями воли народа, даже если и избраны народом. Все зависит от конкретной социально-политической ситуации, ре-

альной государственной политики. Искать логику в этой фразе автора бесполезно. Здесь, так сказать, тонкий намек на некие толстые обстоятельства, который предназначен для определенной публики, фрондирующей своим «демократизмом» в нашей республике.

Но особенно выпукло все недостатки и даже полнейшая антиисторичность представлены во второй главе монографии «Истоки белорусского парламентаризма», написанной историком С.В. Тарасовым. Всерьез разгребать эту архивную пыль – значит попросту испачкаться. Вся эта писанина представляет собой перепевы так называемой «возрожденческой» историографии, попытку протащить под новым названием застарелые и искаженные представления о белорусской государственности. Например, автор отличился таким рассуждением: «Поэтому можно говорить, что с конца XV в. в ВКЛ установилась ограниченная аристократическая монархия, с широким шляхетским двухпалатным парламентским представительством в виде рады, соймов и системой городского самоуправления, основанного на Магдебургском праве» (с. 51). Разумеется, в этот период никакого не только белорусского, но и парламентаризма на территории Беларуси и Литвы не было. Ибо, как мы уже показали, парламентаризм –

Парламент, собравшийся перед королем. Английская миниатюра рубежа XII–XIII веков

это явление, обусловленное новым временем, эпохой буржуазных революций. Чтобы оценить уровень аргументации автора этой главы, достаточно привести следующее его утверждение: «После смерти Витовта происходит знаменательное событие в политической истории белорусского парламентаризма» (с. 47). И в чем же эта знаменательность? Оказывается, в том, что «впервые в период ВКЛ в 1430 г. на съезде бояр и панов-шляхты происходят выборы великого князя» (с. 47). Очевидно, что степень анализа данного исследователя не поднимается выше детского представления излагаемых событий. Ибо сами по себе выборы вне равенства всего населения перед законом еще несколько не свидетельствуют о наличии парламентаризма. Но для С.В. Тарасова все это тайна за семью печатями. Он подходит к изучению истории точно так же, как гоголевский Петрушка к чтению книги. Как Петрушка не понимал того, что он читал, так и С.В. Тарасов не понимает, что он изучает.

«Национально-сознательные» историки и литераторы поют аллилуйя Статуту Великого княжества Литовского 1588 года, изображая этот законодательный памятник образцом белорусской государственности и белорусского языка. Но принимать Статут ВКЛ 1588 года, который установил крепостное право для белорусских крестьян, за документ белорусского парламентаризма могут только очень недалекие исследователи, неспособные даже на резонирование, что в наше рефлектирующее время считается признаком очевидной необразованности. Давайте вспомним, что думали по этому поводу видные мыслители того времени. Известный польский гуманист XVI века Анжей Моджевский писал, что «шляхтичи считают крестьян рабами или скотиной. Ни один тиран не имеет большей силы над жизнью и смертью простых людей, чем та сила, которую дают шляхтичам законы. Шляхтичи бесчинствуют, убивают горожан и крестьян, относятся к ним как к собакам». Не правда ли, прекрасная картинка «белорусского парламентаризма». Так сказать, «белорусский парламентаризм» на практике.

Не вполне научно выглядят и попытки С.В. Тарасова представить ВКЛ исключительно как «старобелорусское» государство.

На этот счет у ученых существуют различные точки зрения, которые нельзя не учитывать. Так, современный литовский историк Станислав Лазутка отметил: «Белорусским же исследователям, в свою очередь, не следует искать в своей истории того, чего не было, и согласиться с тем, что... статуты являются литовскими, как и само государство. Не «Русско-Литовское» или «Белорусско-Литовское», или как там еще, а именно Литовское, как это убедительно показал крупный советский историк Владимир Терентьевич Пашуто». Резко? Однозначно? Тенденциозно? Да! Но не менее резко и тенденциозно и С.В. Тарасов, когда на страницах рецензируемого издания выдает собственные измышления за результат научных поисков.

Говоря о введении Магдебургского права в Великом княжестве Литовском, было бы большой ошибкой, абстрагируясь от конкретно-исторических обстоятельств, рассматривать в радужных красках появление этого института. Магдебургское право имеет определенное историческое значение в Германии. И все. За пределами собственно Западной Европы Магдебургское право теряет свою прогрессивную окраску. Немецкое право, искусственно пересаженное на белорусскую почву, не выходило за пределы упорядочения фискальной политики великого литовского князя. Кроме того, внедрение немецкого права в Великом княжестве Литовском вело к ущемлению национальной самобытности белорусского народа, к вытеснению национального права и национальной культуры чужеземными правовыми и культурными нормами, что не могло не вызывать протеста со стороны белорусов. Доказательство — образование и деятельность православных братств, многочисленные городские восстания в начале XVII века, вызванные как усилением национально-религиозного гнета, так и злоупотреблениями со стороны городской верхушки, узурпировавшей все права в органах самоуправления, кстати, благодаря все тому же Магдебургскому праву.

И еще один пример не вполне адекватного восприятия парламентаризма. С.В. Тарасов в самых хвалебных словах расписывает польскую Конституцию 3 мая 1791 года, представляя ее неким первичным документом европейской демократии. Но его усердие явно не по разуму. Да, Конституция

3 мая 1791 года возникла под влиянием Великой французской революции 1789 года, но она далеко отходит от требований этой революции в сторону старого феодализма. Конституция 3 мая 1791 года означала лишь определенную централизацию государственной власти в Речи Посполитой. Король уже не избирался сеймом, а наследовал свою власть, решения сейма принимались не на основе анархического шляхетского принципа *liberum veto*, а большинством голосов. Вот и все! Положение же белорусских крестьян нисколько не изменилось. Крепостное право, как и раньше, оставалось в полной силе. Не говоря уже о том, что ликвидировались остатки даже призрачной автономии ВКЛ, Речь Посполитая становилась единым и неделимым государством польского народа.

Так, в имениях «демократических» польских панов стояли даже виселицы для наказания белорусских крестьян. На что видный российский государственный деятель князь Г.А. Потемкин после первого раздела Речи Посполитой 28 января 1787 года дал управителю своих имений в Могилевской губернии Бржозовскому такое распоряжение: «Все находящиеся в купленном мною у князя Любомирского польском имении виселицы предписываю тотчас же сломать, не оставляя и знака оных». Поэтому выдавать Конституцию 3 мая 1791 года за документ белорусского парламентаризма – это то же самое, что считать князя Любомирского борцом за демократию. И как может белорусский исследователь восхищаться конституцией, которая означала окончательную ассимиляцию белорусского народа?

Не брезгает С.В. Тарасов и откровенной подтасовкой фактов. Так, при описании войны 1812 года, которая никакого отношения к развитию парламентаризма не имела, он пишет: «Население, особенно городское, с восторгом встречало французскую армию как освободительницу. Даже крестьяне пря-

тали припасы, не давая русским уничтожать их перед отступлением» (с. 63). Трудно сказать, откуда автор взял такие данные. Ведь хорошо известно, что в районе Витебска, Орши, Могилева отряды крестьян-партизан совершали частые дневные и ночные налеты на обозы противника, уничтожали его фуражиров, брали в плен французских солдат. Наполеон вынужден был все чаще и чаще напоминать начальнику штаба Бертье о больших потерях в людях и строго приказывал выделять все большее количество войск для прикрытия фуражиров. Но С.В. Тарасов страдает своеобразной формой исторической амнезии: одни факты он помнит, о других напрочь забывает.

Третья глава «Трансформация советской модели парламентаризма» написана руководителем авторского коллектива и научной темы В.А. Божановым. Но уровень анализа в этой главе ничем не отличается от содержания главы второй. В.А. Божанов добросовестно пересказывает политическую хронологию периода 1919–1996 годов, периодически сдabривая ее сомнительного свойства сентенциями. К примеру, такой любопытный пассаж: «Вторая мировая война приостановила деятельность Советов на территории Беларуси. Однако нельзя обойти вниманием попытку воссоздания национальной государственности во время немецкой оккупации – так называемый Второй Всебелорусский конгресс, состоявшийся в Минске 27 июля 1944 года» (с. 79). А затем добавление: «С августа 1944 г. БЦР оказалась в Берлине, с 1948 г. – в Брауншвайге. В дальнейшем представители БЦР действовали в США и Великобритании» (с. 79). Как трогательно звучит: попытка воссоздания национальной государственности в условиях немецкой оккупации. Мир еще не видел, чтобы в условиях оккупации страны восстанавливалась национальная государственность. Международный опыт говорит о том, что в условиях иноземной оккупации страна превращалась обычно в колонию, а не в стройку государственности. Но В.А. Божанов в немецкой оккупации увидел то, чего никто не мог увидеть, даже сам Радослав Островский, который нисколько не сомневался в своей марионеточной затее, так как на упомянутом конгрессе делегаты приняли приветственную

Фрагмент картины Яна Матейко «Конституция 3 мая». 1891 год

телеграмму Адольфу Гитлеру. Прочити: «Беларускі Народ будзе нязломна змагацца побач з нямецкім жаўнерам супраць супольнага нашага ворага – бальшавізму. Мы спадзяемся і верым у канчатковую перамогу, якая пад Вашым кіраўніцтвам пры будове Новае Эўропы прынясе шчаслівую будучыню вольнаму Беларускаму Народу». В авторской ламентации В.А. Божанова все-таки правильнее видеть не попытку воссоздания национальной государственности, а реабилитацию фашистских прислужников в Беларуси. Конечно, говорить об этом открыто любители «белорусского парламентаризма» опасаются, но природа «европеизаторов» берет свое, и тогда подлинные мотивы выходят на поверхность.

В этом плане показательна сама датировка этого конгресса, приведенная в книге, – 27 июля 1944 года. Минск уже давно освобожден советскими войсками, а В.А. Божанов продолжает считать его находящимся под властью фашистов. Во всем этом следует видеть не просто фактическую ошибку, а, так сказать, психологическое неприятие советской истории. Ибо 3 июля 1944 года – день освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков – смысловая дата нашей истории, и не помнить ее не только для исследователя, но и для каждого гражданина нашей страны недопустимо. Но в книге эта дата даже не упомянута, как ничего там не сказано ни о героической борьбе белорусского народа против немецко-фашистских оккупантов, ни о деятельности органов советской власти в военный период. Во всей Великой Отечественной войне, ключевом событии в истории Беларуси, которое безусловно повлияло и на развитие государственных учреждений, в том числе и представительных, В.А. Божанов увидел только попытку оккупантов «воссоздать национальную государственность»!

Характеризуя ситуацию начала 1990-х годов, автор констатирует, что «парламент, правительство, политические партии и общественные движения не могли остановить катастрофическое падение жизненного уровня населения. Высшее руководство государства откровенно и беззащитно расписывалось в своем бессилии» (с. 95). Почему сложилась такая ситуация? Вроде

и парламентаризм, а жизнь населения ухудшается. Ухудшается не только экономически, но ухудшается социально, политически, нравственно. Автор не хочет признаться в том, что вся парламентская деятельность в начале 1990-х годов по существу своему являлась антидемократической. Именно в этот период шло разрушение как народного хозяйства, так и всех государственных институтов: власть становилась коррупционной, в экономике господствовала спекуляция, социальные и нравственные устои деградировали, а в обществе процветал криминал и беспредел. Отсюда и общенациональный кризис, который разрушал даже основы формальной демократии, то есть парламентаризма.

Поэтому заявления, что «в 1996 г. кризис парламентаризма в Беларуси приобрел необратимый характер» (с. 125), – это фарисейская трактовка. В чем политическое значение референдума 1996 года? Отвечая на этот вопрос, В.А. Божанов мыслит чисто формально. Раз в Беларуси осуществлен переход от парламентской республики к президентской, это означает кризис парламентаризма. Да никоим образом не означает! Наоборот, в результате референдума 1996 года был осуществлен переход от антидемократического к демократическому варианту развития Беларуси, как раз и были заложены основы подлинного парламентаризма и демократии. Демократии не только формальной как равенства всех перед законом, но и демократии реальной, социальной – как государства для народа.

Фактически в республике произошла мирная народная революция, положившая конец антинациональной и антидемократической политике так называемых «реформаторов».

Как автор не способен осмыслить сущность парламентаризма и тех политических преобразований, которые произошли в республике в середине 1990-х годов, так он путается и в проблеме политического плюрализма. Плюрализм в обществе – да. Но плюрализм в системе государственной власти и государственного управления – бессмыслица. Нигде власть не является плюралистичной, даже если правительство составляют различные партии. Власть всегда монистична. В противном случае никакая

слаженная, продуктивная государственная политика невозможна. Недаром еще Конфуций мудро заметил, что «люди, идущие разными путями, не могут работать вместе».

Четвертая глава книги посвящена Национальному собранию Республики Беларусь (1996–2009 годы). В этой главе Л.Н. Семенова рассматривает структуру белорусского парламента, порядок его работы и функции, межпарламентское сотрудничество. Данный материал можно квалифицировать в качестве пространного комментария соответствующих статей Конституции Республики Беларусь. Относить эту главу к научному исследованию вряд ли имеет смысл. Скорее всего, это лаборантский обзор работы Национального собрания Республики Беларусь в течение 1996–2009 годов. По ходу автор дает ценные признания о так называемых оппозиционерах, констатируя, что они пользовались поддержкой «только в международных межпарламентских структурах, например, в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) и в Парламентской ассамблее ОБСЕ (ПА ОБСЕ). Внутри страны какой-либо поддержкой и силой они не обладали» (с. 138). Совершенно правильно. В самом деле, так называемая «белорусская оппозиция» никакого отношения ни к белорусскому народу, ни к политической оппозиции не имеет. Это сугубо искусственное политическое образование, зависимое от дипломатической, информационной, финансовой поддержки зарубежных стран и обслуживающее интересы зарубежных политических и предпринимательских кругов. Поэтому неслучайно эти квазиоппозиционеры пытаются решать белорусские проблемы где угодно – в Европарламенте, в Конгрессе США, в других иностранных столицах и центрах, но только не в самой Беларуси. Этим они и доказывают свою антибелорусскую, антигосударственную сущность.

Несколько слов о заключении данной работы. Так, в нем говорится, что «сложившаяся модель замедлила развитие демократии» (с. 213). Алогичное утверждение. Как это белорусская модель могла замедлить развитие демократии, когда в первой половине 1990-х годов говорить о демократии не приходится, ее просто не было. Если, конечно, понимать под демократией

не формальные вывески и формальные институты, а выражение интересов народа, власти большинства граждан республики. Напротив, именно белорусская модель и заложила основы развития белорусской демократии, существенными чертами которой являются: личный труд как основа благосостояния человека, сильная социальная политика, де бюрократизация государственного аппарата, социальное партнерство, уважительное отношение к советскому прошлому, строительство Союзного государства с Россией, многовекторность внешней политики и созидание многополярного мирового порядка.

И еще одна показательная сентенция. «Тревожит качественный состав белорусских парламентариев. Среди них – незначительное количество юристов и социологов и, напротив, большое число учителей и врачей», – волнуется автор (с. 215). В этом рассуждении как в капле воды отражается весь формализм, школьничество В.А. Божанова. Здесь есть нечто от фонвизинского Митрофанушки, который не хотел учиться. Так и авторы монографии не хотят учиться у истории собственной страны, а пробавляются затасканными штампами пропагандистской западной литературы. Милейшие, вспомните Верховный Совет 1990–1994 годов. Ведь там были и юристы, и социологи, и археологи, и писатели, а демократией для народа и не пахло. В том, что в сегодняшнем белорусском парламенте много учителей, врачей, реальных управленцев – это не недостаток, а достоинство. Ведь только те люди, которые знают жизнь не по западным учебникам, а на собственной практике (в промышленности, сельском хозяйстве, образовании, здравоохранении, государственном управлении) могут быть не формальными, а реальными законодателями. Идти от жизни – вот критерий истинного парламентаризма. Так что учитесь у истории своего народа, не повторяйте зады западных кутейкиных и цифиркиных, не будьте митрофанушками парламентаризма.

Владимир КОЗЛЯКОВ,
доктор исторических наук,
профессор
Лев КРИШТАПОВИЧ,
доктор философских наук,
профессор

На сессии
Верховного Совета
Республики Бела-
русь 12-го созыва.
Март 1993 года

